Уроки православия. Поучения аввы Дорофея с прот. Алексием Яковлевым. Урок 11, смотреть онлайн

5 августа 2015 г.

"Душеполезными" поучения аввы Дорофея названы не случайно: в них каждый может найти множество спасительных советов и наставлений, которые преподобный Дорофей дает из глубины своих знаний и опыта, дает с любовью и простотой. И в итоге мы получаем для пользы души удивительное духовное зеркало, глядя в которое можем обнаружить свои страсти и вместе с тем увидеть, как нужно исправлять и очищать свое сердце.

Мы продолжаем знакомство с «Душеполезными поучениями» аввы Дорофея, и названы они так не случайно! Более того, о них часто говорят как о бесценной сокровищнице духовной мудрости, в которой каждый может найти множество спасительных советов и наставлений. Преподобный Дорофей дает их из глубины своих знаний и опыта – дает с любовью и простотой. А мы в итоге получаем для пользы души удивительное духовное зеркало, глядя в которое можем обнаружить и свои душевные немощи, и свои страсти, а вместе с тем увидеть, как нужно исправлять и очищать свое сердце. Так, читая на предыдущих уроках «Поучение о страхе Божием», мы узнали, что иметь такой страх христианину необходимо, без этой добродетели мы не сможем исполнять волю Божию. Однако прежде страху Господню нужно научиться, то есть человек должен немало духовно потрудиться, чтобы приобрести такой страх! Что же для этого надо делать? Авва Дорофей учит, что для этого необходимо иметь память смертную, необходимо постоянно испытывать себя, а еще – не быть дерзким (и по отношению к ближним, и по отношению к Богу). И далее он подробно рассматривает это качество и показывает, насколько опасна и гибельна дерзость. «Нет страсти вреднее дерзости, – говорит авва, – ибо она есть мать всех страстей, потому что отгоняет от души страх Божий. Ибо если этим страхом человек уклоняется от зла, то верно и обратное – где нет страха Божия, там всякая страсть». И наш сегодняшний урок мы начнем с рассмотрения того, как и когда проявляется этот духовный недуг, а главное – от чего?

Протоиерей Алексий Яковлев, настоятель Свято-Никольского храма на Синих Камнях, г. Екатеринбург:

Очень важно сохранять страх Божий, когда нам кого-нибудь хочется исправить. Почему очень часто стремления к исправлению общества не приносят видимой пользы? Потому что это попытки исправить без любви, смирения, всяческие попытки «нагнуть» человека, унизить его (ведь он же плохой), чтобы он знал свое место, а оно обыкновенно определяется где-нибудь, так сказать, у печки или еще где подальше. У аввы Дорофея по этому поводу очень важный и хороший совет, к нему стоит прислушаться. Он, в частности, пишет: *«Хорошо нам иметь благоговение, бояться вредить себе и другим, почитать друг друга, остерегаться даже смотреть друг другу в лицо»*. Его мысль понятна: он говорит об осторожности и о том, что нужно стараться избегать всяких поводов для смущения друг друга. *«Если случится кому видеть, что брат его согрешает, не должно его презирать и молчать об этом, попуская ему погибнуть»* – тоже очень интересное рассуждение: то есть не то чтобы замолчал и ничего не говори (всяк сверчок знай свой шесток), нет! Именно этого авва Дорофей и не советует, наоборот – не презирай брата, а пытайся с ним говорить, но *«не надо ни укорять его, ни злословить».*

Именно это часто и происходит: пытаются людей исправить, но изначально думают, что они, так скажем, воры какие-то или разбойники; или пытаются человека исправить, но вначале сообщают ему, что он, так сказать, «достоин виселицы, расстрела и одновременно закапывания заживо в землю». Понятно, что после этого человека сложно исправить, потому что он теперь будет думать так: «Я сейчас признаюсь (если еще гордость позволит), а он свои угрозы исполнит, кто его знает, в истории такое бывало!» *«Не надо ни укорять его, ни злословить, но с чувством сострадания и страхом Божиим надо сказать тому, кто может его исправить. И сам видевший должен сказать брату с любовью и смирением: "Прости, брат мой, мы нехорошо это делаем"».*

Именно такого, любовного и спокойного, неистерического отношения людей друг к другу сейчас очень мало. *«Если он не послушает, скажи другому, о котором знаешь, что он имеет к нему доверие, или скажи старцу его или авве, смотря по важности согрешения, чтобы они его исправили, и потом будь спокоен».* Конечно, у нас есть сложность: не у всяких согрешающих есть авва или старец. Можно, конечно, спросить человека: «У тебя есть авва или старец?» А он ответит: «Я не знаю даже, кто это такие». *«Ну, раз так, тогда я буду пинать тебя ногами и всячески над тобой издеваться, потому что ты не человек»* (то есть это попытки исправить не с любовью и смирением, а с гордостью и тщеславием).

Давайте так делать не будем. *«Говори с целью исправить брата своего, а не ради празднословия, не ради злословия, не для укорения его, не из желания его обличить, не для осуждения, не притворяясь, что исправляешь его, а сам внутри имеешь что-нибудь из вышеупомянутого».* Это и есть корневой смысл поучений аввы Дорофея. Почему часто не получается ничего исправить? Потому что недостатки, которые мы видим, которые, конечно же, есть, становятся поводом не для того, чтобы исправить их, а для того, чтобы на их основе всячески укорить человека, позлословить. Если, как нам кажется, человек неправильно мыслит, не по-нашему, то сразу же мы назовем его, предположим, «ватником», или « либералом жестоких кровей», или еще как-нибудь в этом роде. Понятно, что потом очень сложно будет беседовать с человеком.

«Ибо поистине, если кто скажет и самому авве его, но говорит не для исправления ближнего или не для избежания собственного вреда, то это грех, ибо это злословие; но пусть он испытает сердце свое, не имеет ли оно какого-либо пристрастного движения, и если так, то пусть не говорит» ***(Поучение 4. «О страхе Божием»).***

Вот в этом и есть культура молчания: человек не говорит не потому, что презирает, а потому, что понимает, что имеет какое-то пристрастие (понятно, не любовное) – раздражен, например, на какую-то группу людей или человека. И поэтому он отдает себе отчет в том, что у него (по здравом размышлении) вряд ли получится при таком состоянии исправить человека. Поэтому лучше, конечно, промолчать. Если мы отступим от разных политических примеров и вступим во всем нам знакомую область супермаркета шаговой доступности, то понятно, что если мы изначально раздражены на кассира, лучше нам с ним в пререкания и *«исправления всяческие»* не вступать. Потому что от этого произойдет только еще один средней тяжести скандал, а может быть, и выше средней тяжести, а их у этого человека и так бывает довольно много. Чего его еще, так сказать, мурыжить-то лишний раз, да и себя тоже? *«Но если человек, рассмотрев себя внимательно, увидит, что хочет сказать из сострадания и для пользы, а внутренне смущается некоторым страстным помыслом, то пусть он скажет авве со смирением и о себе, и о ближнем, говоря так: совесть моя свидетельствует мне, что я хочу сказать для исправления брата, но чувствую, что имею внутри какой-то смешанный помысл, не знаю, оттого ли, что имел некогда неприятность с этим братом, или это искушение, препятствующее мне сказать о брате для того, чтобы не последовало его исправление».* Человек понимает, что и нужно сказать, но и есть некое смущение.

Понятно, что в ситуации с кассиром, который, как нам кажется, неправильно себя ведет (а может, и действительно неправильно), к авве сразу не побежишь, но повод для размышления есть. Человек может хотя бы так себя вопросить, а потом, при случае, если будет возможность, спросить совета у надежного человека, духовника или духовного товарища, на которого можно положиться. *«Бывает, что иной говорит не для пользы своего брата по опасению собственного вреда или просто так, из празднословия. Но к чему такое злословие?* – задается вопросом авва Дорофей. – *Часто брат узнает, что о нем говорили, смущается, и от этого происходит скорбь и еще больший вред. Но когда кто говорит единственно ради пользы брата, то Бог не попустит, чтобы произошло смущение, чтобы последовали от этого скорби или вред».* Понятно, что пример с кассиром очень «легкий», потому что кассира обыкновенно мы знаем только в лицо или по бейджику, что зовут ее Айгуль или Марина. А сколько примеров общения людей, которые находятся в постоянном контакте друг с другом – в семье, коллективе! Здесь правила и рассуждения аввы Дорофея нам еще больше нужны! Мы видим, как быстро люди, казалось бы, занимающиеся одним делом или одним служением, могут впасть в разные ссоры, скорби, подозрения, смущение, смятение, злословие и так далее. И вроде бы много людей, а дело не делается или делается очень плохо, потому что присутствует вот эта дерзость и нежелание поиметь страх Божий ради какого-то человека, и это нежелание, конечно, сильно вредит.

Итак, постарайтесь, как мы сказали, удерживать язык свой, чтобы не сказать чего-либо худого ближнему и никого не соблазнять ни словом, ни делом, ни взглядом, ни другим каким-либо образом, и не будьте удобораздражительны, чтобы когда кто-нибудь из вас услышит от брата своего неприятное слово, не возмущаться тотчас гневом, не отвечать ему дерзко и не оставаться в оскорблении на него: это неприлично хотящим спастись, неприлично подвизающимся.

Конечно, авва Дорофей говорит вещи простые и нам понятные, но, во-первых, хорошо еще раз их услышать, а во-вторых, он говорит о вещах, временами неподъемных, потому что как не раздражаться, как не отвечать дерзостью?! Если ты не ответишь дерзостью, то человек скажет: «Ага, значит можно на него сесть и ножки свесить!» Так ведь получается? И человеку в голову приходят такие мысли: «Я сейчас не отвечу, а он потом опять будет меня по офису гонять!» Но авва Дорофей, когда писал вот эти, казалось бы, теоретические вещи, писал их не от того, что подумал хорошенько, погрыз перо (или в нашем случае ручку) и сказал: «Вот так вот хорошо поступать, а так – плохо». Нет, он сталкивался со всем этим на практике. Это очень интересно и поучительно, как авва Дорофей практически исполнял то, что проповедовал. Его описание жизни в обители очень простое и незлословное. То, о чем он пишет, можно было бы описать очень «смачно», найти разные термины, обозначающие психологическое и физическое давление, но он преподносит все так спокойно, что внимательному человеку сразу представляется, что он говорит правду и действительно исполняет ее. То есть это не просто сотрясение воздуха приятными, хорошими словами, а все это человек исполнил сам.

«Каждый смиряйся перед Богом и перед братом своим и отсекай свою волю». Как же он это делает? Авва Дорофей говорит: *«Я не знаю, сделал ли я когда-нибудь что-нибудь доброе, но если Бог и покрыл меня* (то есть защитил, дал Свой покров), *я знаю, что покрывал Он потому, что я никогда не считал себя лучшим брата своего, но всегда ставил своего брата выше себя».* Он начинает рассказывать, что служил в монастыре авве Иоанну и был этому очень рад. Старца этого очень сильно почитали, и многое авва Дорофей от него воспринял. Он говорит о четырех излюбленных поучениях старца, форме их подачи, и видно, с какой радостью и сердечностью авва Дорофей вспоминает своего духовного наставника. Мы знаем, что даже какой-нибудь злой человек вдруг останавливается и вспоминает что-то радостное и хорошее в его жизни, при этом он даже сам немножко смягчается, а что же говорить об авве Дорофее, который и так был добрым и святым человеком! Эти и следующие страницы, где он вспоминает свою жизнь (не всегда, кстати, наполненную приятными моментами), освещаются каким-то спокойным светом. Это, пожалуй, одна из особенностей поучений аввы Дорофея, которая, может быть, и делает данную книгу сокровищем.

«Старец имел обыкновение повторять четыре изречения всякий вечер, когда мне надлежало уходить. Он всегда говорил мне, сверх всего иного, одно из этих изречений и начинал так: «Сказал я однажды» и еще прибавлял: «Бог да сохранит любовь», то есть каждому так говорил и затем добавлял какое-нибудь поучение: «Через сохранение совести в отношении брата рождается смиренномудрие»; или: «Никогда не должно предпочитать свою волю воле брата своего»; «Отцы сказали: друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов». Так, каждый раз с большой любовью, старец давал поучения. Авва Дорофей их явно воспринял. Он рассказывает, что один из братьев очень скорбел, что не ему поручили послужить авве Иоанну, и видимо обижался. Будущий авва Дорофей пошел к старцу и говорит: *«Этому брату приличней меня послужить святому, если это тебе угодно, о авва».* То есть он спросил разрешения. Не так сказал: «Давай, брат, ты служи вместо меня», а пошел спрашивать. *«Проведя там девять лет, не знаю, сказал ли я кому-нибудь худое слово,* – говорит авва Дорофей, – *хотя я имел послушание».* И дальше он говорит: *«И, поверьте, я очень помню, как один брат, идя вслед за мною от больницы до самой церкви, поносил меня, а я шел впереди него, не говоря ни слова».* Сразу вспоминается один «жутко» хладнокровный брат, описанный аввой Дорофеем, который говорил: «Ну, лают на меня эти псы, и что теперь, ничего страшного!» Здесь ничего этого нет. Это замечание напоминает нам страницы из Ветхого Завета, когда некоторые праведники тоже старались не отвечать на оскорбления. Слова эти – *«шел впереди него, не говоря ни слова»* – можно, конечно, и за гордость принять, но мы понимаем, что гордости там не было, а вот смирение было. Тебя поносят сзади, ты идешь, не говоришь ни слова, даже не поворачиваешься – тут, конечно, авва Дорофей положился на волю Божью, потому что когда тебя сзади ругают, когда на тебя сзади собака лает, лучше все-таки повернуться к ней лицом, а то может кинуться. Я не сравниваю здесь человека (этого брата) и собаку, но то, что авва Дорофей говорит дальше в своих воспоминаниях, показывает, что здесь стоило бы оборачиваться, потому что мало ли что может сзади прилететь…

Автор и ведущая Ольга Валентиновна Баталова
Расшифровка: Наталья Коваль